

MENDAX

**АРХИВ
НДСП**

18+

Mendax Mendax

Архив НДСП

<https://litres.ru/74674384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть города, которые никогда не спят. Наш — один из них. Он давит серым небом, дышит сыростью подвалов и хранит секреты в трещинах старого бетона.

Сергей — Архивариус. Человек, который привык перебирать чужое прошлое, чтобы не сойти с ума от своего собственного. Но в их городе прошлое не хочет оставаться на полках. Оно прорастает сквозь асфальт липкой слизью, звучит ультразвуком в стенах новостроек и смотрит пустыми глазницами из-за оконных рам.

Это — НДСП. Неопровержимые Доказательства Существования Потустороннего.

Когда город начинает меняться на глазах, когда знакомые улицы превращаются в тоннели страха, а старые дома начинают «пожирать» своих жильцов, Сергей больше не может просто вести учёт. Вместе с племянницей Линой — гениальным, но жёстким прагматиком — они становятся «санитарами» города.

Они не волшебники, не чародеи из сказки. Они пытаются залатать дыры в реальности, пока город окончательно не сошёл с ума.

Mendax Mendax

Архив НДСП

Глава 1

Сначала запах. Сон всегда начинался с запаха.

Так пахнет в старых, залитых грунтовыми водами подвалах, где на кирпичной кладке десятилетиями нарастает чёрная слизь, а воздух становится густым, как стоячая вода. Пахло мокрой штукатуркой, прелой бумагой и чем-то сладковатым, почти медовым — запахом разложения, который въедается в ноздри и остаётся там даже после пробуждения, отравляя утро.

Он стоял в тоннеле.

Под ногами хлюпала ледяная вода. Ноги замёрзли. Он посмотрел вниз. «Почему я босиком?» Кирпичные своды, покрытые слизью, давили на плечи. Темнота здесь была неестественной, густой — она не просто поглощала свет, она высасывала его, оставляя после себя серый, неживой полумрак.

Впереди маячил свет. Не электрический, не ровный — живое, жёлтое пятно коптящего пламени в руке идущего впереди силуэта.

Силуэт не спешил. Он шёл медленно, тяжело переставляя ноги в жиже, и с каждым его шагом звук капающей воды становился громче, отсчитывая секунды, как метроном в пустом концертном зале.

Он попытался окликнуть его, спросить, где они находятся, но горло сжал спазм. Из рта не вырвалось ни звука. Те-

ло не слушалось, ноги словно выросли в ледяную жижу, отказываясь делать шаг. Он мог только смотреть, как удаляется фигура.

Это был мужчина в грубом брезентовом плаще. Капюшон скрывал лицо, но лампа в его руке освещала руки — сильные, рабочие, с въевшейся в поры грязью, которую не брало никакое мыло.

Тот, что шёл впереди, остановился. Поднял лампу выше, и жёлтый свет мазнул по лицу незваного гостя.

«Где я? Что происходит?»

В руках что-то тяжёлое. Пальцы чувствуют холод металла.
«Что это за ящик?»

В то же мгновение свет в тоннеле моргнул. Мгновение — и всё покрылось мраком. Но в следующую секунду темнота рассеялась.

Теперь в его собственных руках была не коробка, а короткая, тяжёлая лопата. Железо лезвия было тусклым, покрытым тёмными пятнами.

Он поднял глаза.

Он остался один. Ржавая лампа стояла у стены.

Лопата в его руках вдруг стала невообразимо тяжёлой.

Дикий, животный крик рванул из груди, но тоннель снова поглотил звук, превратив его в глухой хрип.

И опустилась тьма.

Он дёрнулся, ударившись затылком о деревянную спинку кровати. Сел, жадно хватая ртом воздух, словно вынырнул с

большой глубины. Сердце колотилось где-то в горле, пытаюсь пробить рёбра.

Причина удушья оказалась до смешного прозаичной: край лёгкого пододеяльника обмотался вокруг шеи, перекрыв кислород. Он сорвал ткань, сбросил её на пол. Ткань была влажной от холодного пота и пахла кислятиной.

На соседней подушке мирно спала жена. Лежала на спине, приоткрыв рот, тихо посапывая. Обычный, живой человек. Рядом с ней этот кошмар казался дурной выдумкой, пьяным бредом, но руки всё ещё дрожали, а в висках стучала кровь.

Он спустил ноги на пол. Босые ступни ощутили шершавость ковролина. Он прошлёпал на кухню, не включая верхний свет, только тусклую, желтоватую подсветку вытяжки над плитой. Он не видел своих испачканных ног: грязный след тянулся за ним по светлому полу, как мёртвая змея.

Достал из холодильника бутылку минералки, скрутил пробку. Пальцы не слушались, соскальзывая с мокрого металла.

Он подошёл к окну, выходящему на глухой задний двор, где темнел парник. Отдёрнул штору.

Бутылка выскользнула из рук.

Раздался звон. Стекло и брызги холодной воды разлетелись по кухне, смешиваясь с чем-то тёмным, что уже было на полу. Но он не услышал звука.

За окном, на уровне второго этажа, висел в воздухе человек.

Вернее, то, что от него осталось.

Кожа имела тот самый зеленоватый оттенок, который бывает у утопленников, пролежавших в воде не одну неделю. Череп был расколот — страшная, рваная рана от виска до макушки, откуда вытекало что-то тёмное, густое, похожее на дёготь. Одного глаза не было, на его месте зияла чёрная дыра. Борода слиплась от запёкшейся крови.

Труп не падал. Он просто висел в пустоте, удерживаемый чем-то невидимым, и медленно поворачивался вокруг своей оси, словно на невидимой верёвке. Но голова оставалась на месте. И взгляд был устремлён прямо на него.

Мёртвые губы шевельнулись.

Слова не были слышны, но они вколачивались прямо в мозг, выжигая сознание, минуя уши.

«Нашёл».

Мужчина стоял посреди разгромленной кухни, в луже минералки и битого стекла, и смотрел в глаза собственной смерти. Он не мог ни закричать, ни пошевелиться. Он мог только смотреть, как за окном медленно растворяется в ночи позеленевший труп, оставляя после себя лишь запах гниения и звенящую пустоту.

Глава 2

Тиканье настенных часов. Уже давно, входя в квартиру, его внимание выхватывало этот тихий звук. Он успокаивал и давал надежду.

Сергей не стал включать люстру в прихожей. Он сбросил ботинки, не расшнуровывая их, и прошёл в комнату.

Здесь царил полумрак. Единственным источником света была старая настольная лампа с тяжёлым зелёным абажуром, стоявшая на столе. Она выхватывала из темноты идеальный круг пространства, оставляя углы комнаты в глубокой тени.

Сергей подошёл к комоду. На полированной поверхности, абсолютно чистой, стояла единственная фотография в простой деревянной рамке. Он протянул руку, взял рамку. Стекло было холодным.

С фотографии на него смотрели трое.

Наташа стояла чуть впереди. Солнечный свет бил ей в спину, подсвечивая русые волосы, и Сергей в тысячный раз поразился тому, до чего же сильно сестра была похожа на него. Не чертами — их лица были разными — а выражением. Тот же упрямый, выдвинутый вперёд подбородок, та же складка между бровей, когда она пыталась что-то доказать. Она смотрела в камеру с вызовом, словно мир был ей должен.

Рядом с ней, обняв её за плечи, стоял Игорь. Хороший,

надёжный парень с открытым лицом. Он смотрел на Наташу с обожанием, которого она, казалось, даже не замечала.

А чуть поодаль, держась за край платья матери, стояла Лина.

Ей было здесь лет шесть или семь. Она не улыбалась. Дети на старых фото всегда улыбаются натянуто, по команде, но Лина даже не пыталась. Она смотрела в сторону, чуть исподлобья. Глаза — огромные, тёмные, слишком внимательные для ребёнка. Это были его глаза.

Сергей провёл пальцем по стеклу, едва касаясь изображения сестры.

«Четыре года, — подумал он. — Кажется, что вчера. А Лина... Лина молчит. Смотрит. Как я».

Мысль о Наташе всегда отдавала глухой, фантомной болью в груди, но сегодня к ней примешалось что-то ещё. Ощущение неправильности.

«Опекунство, — продолжил он внутренний диалог, ставя фотографию на место. — Слово-то какое казённое. Будто я не родной дядька, а инспектор из соцзащиты, пришедший проверять холодильник. Но я справляюсь. Держу марку. Квартира не заросла грязью, уроки сделаны, в холодильнике есть суп. Я справляюсь. Знаю, что справляюсь. Как странно, всё произошло сразу после того как...»

Мысль оборвалась.

Она не просто затихла — её срезали.

Резкая, требовательная трель телефона ударила по нер-

вам. Звук был грубым, почти агрессивным в этой бархатной тишине.

Сергей вздрогнул. Пальцы, только что гладившие стекло, сжались в кулак. Он стоял неподвижно, глядя на чёрную трубку, валяющуюся на кровати. Телефон звонил редко. Обычно это были рекламщики или ошиблись номером.

Трель повторилась.

Он снял трубку.

— Да.

— Ты дома?

Голос странный.

— Да, Карамелька.

— Мы скоро будем.

Отключилась.

Сергей медленно опустил трубку.

Он не спросил, что случилось. Не спросил, нужно ли что-то купить. Он просто стоял в круге света от зелёной лампы.

«Мы?» — пронеслось в голове.

Лина никогда не говорила «мы», когда речь шла о ней и ком-то ещё. Она была единицей. Сама по себе.

Слово «Мы» прозвучало в полумраке комнаты как чужеродный элемент. Как трещина в стекле.

Четвёртый этаж. Пора бы привыкнуть.

Девушка шла впереди, чеканя шаг по стёртым бетонным ступеням. Парень тащился сзади, стараясь попадать в такт,

но его модные кроссовки с мягкой подошвой ступали бесшумно, что, кажется, раздражало её ещё больше. Её шаги гулко разносились по гулкому подъезду пятиэтажки. Топ-топ.

Девушка резко обернулась. Она остановилась так внезапно, что парень едва не врезался ей в спину.

— Будь с ним максимально откровенен, — её голос был тихим, но здесь он прозвучал как выстрел. — Даже то, что умолчал мне. Ему ты расскажешь всё.

Топ-топ.

— А дядя Сергей, он кто? — голос парня звучал сипло, дыхание всё ещё не восстановилось.

— Мой дядя.

Топ-топ.

— Это я знаю. Он... вообще, кто? — парень попытался заглянуть ей в лицо, но она уже снова смотрела вверх, на лестничный пролёт.

Топ-топ. Топ-топ.

— Архивариус.

И кривая, едва заметная улыбка тронула её губы.

Щёлчок замка.

Сергей вышел из комнаты.

Дверь была уже открыта. На пороге стояла Лина. И какой-то высокий, широкоплечий парень, который переминался с ноги на ногу, явно не зная, куда деть руки.

Лина не стала разуваться. Она просто шагнула через по-

рог, оттеснив Сергея плечом, и бросила рюкзак на пол.

— Красный код, — бросила она в пространство.

Сергей молча закрыл дверь.

Парень вздрогнул от этого звука.

— Это Славик, — Лина кивнула на парня, даже не посмотрев на него. — И у него проблемы.

Сергей молча перевёл взгляд с племянницы на её спутника. Парень был одет в яркую спортивную куртку, которая выглядела здесь неуместно, как попугай в операционной. Он был бледен, под глазами залегли тени, но плечи — широкие, крепкие. Спортсмен.

— Проходи, — глухо сказал Сергей. — Не топчись.

Парень вздрогнул, словно проснувшись, и неловко шагнул в комнату.

Но Сергей указал в сторону кухни и сам прошёл первым. Открыл холодильник. Достал бутылку «Нарзана». Скрутил пробку. Металл влажно скрипнул под пальцами. Он налил воду в гранёный стакан и поставил на стол. Звякнуло стекло.

Лина вошла следом, села на стул, закинув ногу на ногу и достала планшет.

Славик остался стоять посреди кухни, как мебель.

— Неделя, — выдавил Славик. Он стоял у мойки, сжимая в руках стакан так, что побелели костяшки. — Началось неделю назад.

Сергей молча смотрел на него.

— Он сначала просто ходил по квартире. Как тень. Мы

думали, спит на ходу. Потом перестал спать вообще.

Сергей перевёл взгляд на Лину. Она сидела с абсолютно каменным лицом, печатая что-то в планшете.

— Он говорит, что видит его в окне. Мужика. Старого, в плаще. С бородой.

Сергей чуть заметно поморщился. Классика.

— Он говорит... он говорит, что этот мужик что-то ищет. И что он его убьёт.

Славик поднёс стакан ко рту. Вода плеснула, задев край зубов. Он поперхнулся.

— Вчера... вчера он разбил окно в спальне. Говорил, что мужик лезет внутрь. Батя... он никогда таким не был. Он вообще... — парень сглотнул. — Он начал пить.

Сергей замер.

Да что ты знаешь про алкоголь, — подумал он с глухой, холодной яростью.

Он вспомнил, как это работает. Это не веселье. Это анестезия. Способ заставить замолчать ту часть мозга, которая видит то, чего нет.

— Он трезв, когда видит его? — спросил Сергей. Голос был ровным, лишённым эмоций.

— Да. То есть... он трезвый, когда рассказывает. А так... — парень уставился в стакан. — Он говорит, что мужик пахнет сыростью. И что он шепчет.

— Шепчет? — переспросила Лина, не отрываясь от экрана. — Что именно?

— Не знаю. Батя говорит, что слова пронзают мозг. «Нашёл».

Лина замерла. Пальцы над клавиатурой остановились.

Сергей смотрел на парня. Хмурый, зажатый, напуганный. Но он не врал. Сергей слишком хорошо знал этот взгляд — взгляд человека, который видел дыру в мироздании и не может этого объяснить.

Глава 3

— Нам с Карамелькой нужно кое-что обговорить. Побудь здесь, — Сергей кивнул в сторону холодильника. — Там есть ещё вода.

Славик молча кивнул в ответ и остался стоять посреди кухни, сжимая пустой стакан.

Сергей пропустил Лину вперёд. Дверь в дальнюю комнату была не заперта.

Это была не комната, а мечта минималиста. Сергей сделал здесь ремонт сам, ещё в первый год, как забрал Лину: идеально ровный натяжной потолок, светлые обои без рисунка, ковролин с коротким ворсом, который он пылесосил через день. Письменный стол, глубокое кресло, небольшой диван у стены. Возле стола — простая тумбочка. Единственным, что выбивалось из стерильной чистоты, была огромная, пожелтевшая от времени топографическая карта города и окрестностей, висевшая на стене. Издание 1985 года.

Сергей подошёл к карте. Он не смотрел на неё — он её изучал. Облокотился на стену одной рукой, а пальцем другой начал медленно вести по контурам старой застройки, словно пытаясь нащупать невидимую нить.

— Ты знаешь, где он живёт? — спросил Сергей, не оборачиваясь.

— Конечно. Вот, — Лина ткнула пальцем в самый край

карты, где заканчивалась жилая застройка.

— Фабрика.

— Да. Фабрика.

Сергей замер. Его палец остановился на жёлтом поле. Район «Фабрика». Конец XIX века. Палец двинулся дальше, огибая пустырь. Раньше здесь была окраина, рабочие бараки и один-единственный комбинат, который дымил так, что снег зимой был серым. Палец замер у синей жилки. С тех пор людей, проживающих здесь, так и зовут — «Фабричные». Он чуть надавил на бумагу. В 90-е фабрика закрылась. Теперь там склады, мелкие производства и офисы в старых цехах.

Сергей знал это место: тёмно-красный кирпич, который не берёт ни время, ни дожди, и река в пятидесяти метрах слева. Он провёл пальцем по синей линии. Коммуникации там не меняли с царских времён — просто кинули новые пластиковые трубы поверх ржавых. Палец скользнул дальше, пересекая синюю жилку реки. Там, на окраине, разрастался частный посёлок — зелёное пятно на карте. Совсем недалеко. Именно там, в одном из этих новых домов, живёт Славик.

Он убрал руку от карты и развернулся. Прошёл к тумбочке.

Скрипнула дверца.

Лина подошла ближе, облокотившись на спинку кресла Сергея. Она не спрашивала, что это. Портфель был такой же частью их жизни, как старый сервер под столом. Она знала, что это — «Архив», но никогда не лезла внутрь. Это была

его территория.

Сергей положил портфель на стол. Потёртый, неопределённого коричневого цвета. Отголосок прошлого.

Он не стал открывать его сразу. Сначала сел в кресло, поправил рукав футболки. Затем щёлкнул замками. Внутри не было ни денег, ни оружия. Только хаос из бумаги. Сергей начал перебирать листы. Его пальцы двигались быстро, глаза бегали по строчкам.

— Так... — бормотал он себе под нос. — Пропавшие... Непонятная агрессия... Сгоревшая школа... — Он поднял глаза на Лину. — Это тянется не один год. Но ничего про покойников.

Он сложил несколько листов обратно, защёлкнул портфель и поднялся. — Ладно. Мы со Славиком уходим, а ты тут за старшую.

Лина подошла к столу, открыла ноутбук. Экран осветил её лицо снизу, сделав похожей на череп.

— Никуда не лезь без моего ведома.

— Естественно, — хмыкнул Сергей, проходя мимо неё на кухню.

Славик всё так же стоял у мойки.

— Идём, — бросил Сергей. — Провожу тебя и осмотрюсь.

Это место они по обоюдному согласию называли «Архив». Давно так повелось. Тишина в комнате была почти осязаемой. словно весь дом обмотали ватой. Лина умела так пе-

реключать внимание, что никакой звук не мог отвлечь её от работы. Только тихий гул сервера в углу и шелест пальцев по тачпаду.

Лина ненавидела бумажную работу Сергея. Это было медленно. Грязно. Цифра — вот где жила правда.

Она сидела в кресле, поджав под себя ноги, и шерстила оцифрованные архивы. Сначала — публичные реестры и планы БТИ. Сухо. Скучно. Потом переключилась на исторические форумы и «братские могилы» оцифрованных газет начала века.

Запрос: «Шерстопрядильная фабрика» + «1917 год».

Первые страницы — мусор. Забастовки, локауты, митинги. Лина поморщилась и потянулась к тарелке с печеньем, стоявшей на полу возле кресла. За еду на столе её бы убили, но на полу, на подложке из газеты — можно.

Она грызла печенье, глядя в экран. Лина сменила тактику. Она искала не здание. Она искала людей.

Запрос: «Владелец» + «Город... Шерстопрядильная» + «1917».

И тут её цепануло. Не новостной архив. «Военно-исторический журнал. Мемуары. "Грозовые годы"». Автор — какой-то отставной генерал, издано в СССР, тираж — три тысячи экземпляров. В сеть попали только выдержки.

Лина быстро открыла чистую вкладку. Пальцы забегали по клавиатуре, вытаскивая текст из закрытого архива библиотеки. Генерал писал не о боях. Он писал про «экспропри-

ацию». Про то, как они, молодые и злые, гонялись за «буржуями», пытавшимися спасти своё «добро».

«...был один такой, Савельев, мы так его и не взяли. Ушлый был чёрт. Успел припрятать своё золотишко, пока мы фабрику держали. Схоронил, гад, и следов не оставил. Мы потом каждый кирпич в округе вывернули — пусто. Видно, успел в реку скинуть или в подвалах где. Растворился купец. А добро то, чувствую, до сих пор где-то под ногами лежит...»

Лина замерла. Печенье хрустнуло на зубах. Савельев. Как у Славика!

Совпадений не бывает.

Лина вскочила. Кресло откатилось назад и ударилось о системный блок. Она этого даже не заметила. Сердце колотилось где-то в горле. Она метнулась на кухню. Распахнула холодильник. Свет ударил в лицо. Схватила первое, что попало под руку — пакет с мармеладными мишками. Рванула зубами. Резко, нервно.

Она вернулась в комнату, на ходу раздирая пакет. Села за стол, закинув ногу на ногу. Пальцы забегали по тачпаду с удвоенной скоростью.

Она нырнула в генеалогические сайты. Закрытые форумы. Старые переписи населения. Она искала связь.

Чутьё её не обмануло.

Иван Ефимович Савельев. Конец XIX века. Революция. 1917. Эмиграция...

Лина прищурилась. «Да, Савельевы. Купцы. Жили тут

всегда... После революции кто-то сбежал, кто-то остался...»
Она нашла связь.

Нынешние Савельевы — прямые потомки хозяина. И по какой-то дикой, пугающей случайности, они снова поселились здесь. В частном посёлке на другом берегу реки. Прямо напротив фабрики своего предка.

Надо звонить дяде Серёже.

Глава 4

Обстановка в доме напоминала поле боя. Перевернутый диван, вспоротые подушки, из которых лезло синтетическое волокно. Осколки керамики на полу. Кто-то здесь дрался с призраками голыми руками, и призраки побеждали. Это была картина полного, окончательного разгрома.

Сергей стоял посреди коридора, хмуро осматриваясь.

— Почему вы не обратились к врачам? — спросил он, не оборачиваясь. Голос звучал ровно, но в нём звенел холод.

Славик, стоявший у стены, вздрогнул.

— Репутация, — коротко бросил парень, глядя в пол. — Батя всю жизнь на руководящей. Если узнают, что он «кукухой поехал»... сами понимаете.

Сергей хмыкнул. Он понимал. Репутация всегда дороже рассудка. Хотя врачи здесь ничем не помогут. Может, и правильно, что не обратились.

Из гостиной донёсся сдавленный всхлип. Там, вцепившись в подлокотник уцелевшего кресла, сидела мать Славика. Она была бледна до синевы, губы дрожали.

— Где он? — спросил Сергей.

— Там, — кивнула она на закрытую дверь спальни. — Заперся. Кричит.

Сергей молча прошёл мимо них. Нажал на ручку. Дверь поддалась.

В спальне царил полумрак — шторы были плотно задёрнуты. Пахло потом и мочой. Александр сидел на полу, привалившись спиной к кровати. Он раскачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками. Когда Сергей вошёл, он зарычал, как загнанный зверь, и попытался броситься, но Сергей перехватил его за плечи железной хваткой.

Началась возня. Тяжёлая, глухая, без криков. Отец Славика был силён от отчаяния, но Сергей был тяжелее и злее. Через минуту они вдвоём со Славиком прижали его к полу, заведя руки за спину.

— Всё, — выдохнул Сергей, тяжело поднимаясь. — Держи его так. Не давай ему встать.

Мать в гостиной тихо заплакала.

Сергей достал из кармана куртки пластиковые стяжки. Профессионально, быстро зафиксировал запястья отца.

— Не волнуйтесь, — бросил он через плечо, обращаясь к женщине. — Уверен, утром он ничего из этого не вспомнит. Это защитная реакция.

Он сел на край кровати, тяжело дыша. Достал из кармана сигареты. Но тут же убрал.

— Здесь можно, — услышал он тихий голос жены.

Мужчина на полу дёрнулся.

— Тьма... — просипел он. — Он в тоннеле... Я — это не он.

— Следи за ним, если начнёт биться. Может поранить себя, — бросил Сергей Славику.

Он прошёл в гостиную и присел рядом с женщиной.

— Как вас...

— Таня.

— Татьяна. Вспомните, пожалуйста. Мне нужны детали.

Это очень важно. Что-то, что особенно вас зацепило.

Таня смотрела на него, и в глазах её читался вопрос. Даже не вопрос — недоумение. Словно человек впервые столкнулся с проблемой, которую не мог решить.

«Сильная женщина», — подумал Сергей.

Телефон в кармане завибрировал. Лина. Позже.

— Грязь.

— Что, простите.

— Каждое утро грязь на полу, на постели. Её голос походил на механический. — У него каждый раз грязные ноги, словно он лунатик какой-то.

Здесь она не выдержала. Приоткрыла рот, попыталась вздохнуть. Набежали слёзы. Заметив встревоженный взгляд Сергея, попыталась отмахнуться и, в итоге, зажала рот ладонью.

Сергей молчал. «Этого мало».

— Один раз я зашла в ванную, а он там. Глядит на свои руки и шепчет: — Кровь, кровь... не я, не я...

Кровь, тоннель, тьма... Что же здесь такое?

Снова зазвонил телефон.

— Слушаю, Лина.

— Я нашла, — голос Карамельки звенел от адреналина.

— Фамилия — Савельев. Иван Ефимович. Хозяин фабрики.
Отец Славика — его прямой потомок.

Сергей слушал молча, не перебивая. Картинка сложилась.
Он убрал телефон. Теперь он знал, что делать.

Сергей вернулся в спальню, мельком оценил состояние Славика. Наклонился над связанным. Не резко. Плавно.

— Александр... — голос Сергея был тихим, почти гипнотическим. — Слушай меня. Ты видишь тоннель.

— Он там... — забормотал мужчина. — Пришёл за мной...

— Нет, — мягко перебил Сергей. — Он пришёл не за тобой. Он ищет другого. Того, кто его убил.

Глаза Александра на секунду прояснились. В них плескался чистый, животный ужас.

— Но я — не он! — выкрикнул он. — Я не он! Я просто...

Всё дело в давнишнем преступлении. Убийца скрылся. А дух убиенного остался заточён в стенах тоннеля.

Сергей медленно поднялся. Подозвал Татьяну.

— Я возвращаюсь.

Заметив ужас в глазах, поспешно добавил:

— Это недолго. Я пришлю... ассистента. Они с вашим сыном всё вам объяснят. И, самое главное: не задавайте вопросов. Пока не задавайте. И держитесь. Скоро всё закончится.

Сергей шёл вдоль бетонного забора фабрики, заросшего диким плющом. Он не смотрел вверх, на кирпичные стены

— он смотрел под ноги. Вода.

Он помнил карту. Тоннель должен выходить к реке. Значит, искать нужно самый низкий участок, где бетон осел, а природа взяла своё.

Тяжёлый воздух давил на перепонки. Гудение ЛЭП над головой сливалось с гулом в его собственной голове.

Он свернул за угол котельной.

Вот оно.

Вход был завален сползшей массой мокрой земли и гнилых веток. Теперь понятно, почему про лаз все забыли. Сергей присел на корточки. Земля была ледяной. Пахло прелой листвой и сыростью. Прямо руками начал копать там, где, по его мнению, должен был быть замок. Вот и он. Петли едва держались.

Сергей отошёл на шаг и с силой двинул грубой подошвой по ржавому железу. Замок отлетел вместе с петлями.

Он достал из кармана куртки мощный фонарь. Луч ударил в темноту. Своды из старого, добротного кирпича. Вода стояла внизу — чёрная, маслянистая. Тоннель уходил под наклоном вниз, прямо под фундамент фабрики.

Сергей провёл ладонью по кирпичу. Холод. И вибрация. Едва заметная, идущая откуда-то снизу. Как будто под землёй работал гигантский, сломанный механизм.

Сергей выключил фонарь и сунул его в карман. Он не пойдёт туда. Не сейчас. Без подготовки.

Он развернулся и быстрым шагом пошёл к дороге. Достал

телефон, вызвал такси.

Глава 5

Лина сидела в «Архиве», скрестив ноги в кресле. Перед ней на столе лежал открытый ноутбук и россыпь распечаток с форумов. Сергей примостился рядом на складном табурете.

Лина искала не «магию». Она искала инструкцию.

Запрос: «Ритуал упокоения, привязка к месту, железо».

Первые страницы — мусор. Викканские палочки, чёрные свечи. Лина поморщилась и закрыла вкладку. Она переключилась на исторические архивы. Этнография. Славянские погребальные обряды.

Вот оно. «Слепой огонь».

Лина подалась вперёд, вчитываясь в экран. Её губы едва заметно шевелились, проговаривая текст, словно она проверяла код на ошибки.

Полынь... Горькая. Отсекает миры. Слепит. Зверобой... Ивановская трава. Запирает.

— Дым, чтобы ослепить дух, сбить его с пути, — прошептала она в тишину комнаты.

Железо... Холодное. Кованое. Клетка.

— Гвозди в косяки, нож у порога. Любая кованая сталь работает как клетка.

Соль... Граница. Чистая.

— Дорожка. Граница, которую не переступит неприкаян-

ный.

Кровь... Подпись. Привязка.

— Дух ищет того, кто его держит. Кровь потомка — лучший якорь.

Лина откинулась на спинку. Она нашла.

— Ритуал «Слепой огонь», — сказала она, открывая глаза. — Полынь, зверобой, железо, соль. Кровь потомка.

— Кровь? — переспросил Сергей.

— Для привязки. Чтобы дух пошёл за нами, а не остался в доме.

Лина встала, прошла в центр комнаты, остановившись под тусклой лампой.

— Смотри, — она начала загибать пальцы, жестикулируя, словно чертя схему в воздухе. — Мы не гоним его. Мы его принимаем.

Сергей молча смотрел на неё, чуть наклонив голову. Он не понимал терминов, но понимал логику.

— Он не злой, дядь Серёж. Он — запись. Понимаешь? Земля помнит, как убивали помощника. Вода в реке крутит это по кругу. Но он привязан не к месту. Он привязан к действию. К «Слепому огню». Он ищет того, кто его «убил» — того, кто прервал его жизнь. Он ищет отмщения.

Сергей хмыкнул.

— И как мы ему это дадим? У меня нет под рукой убийцы.

— Кровь, — Лина ткнула пальцем в свой рюкзак. — Кровь потомка. Для него это не просто жидкость. Это ключ.

У Савельева в ДНК прописана «программа» его рода. Дух чувствует этот код и идёт за ним, как собака по следу. Мы используем его кровь как наш дар ему. Откуп. Мы даём ему то, зачем он пришёл, — Лина посмотрела ему прямо в глаза. — Справедливость. Мы не будем его жечь или бить крестами. Мы просто... отпустим. Ритуал «Слепой огонь» — это не клетка. Это прожектор. Мы ослепим его дымом, чтобы он не видел нас, но покажем ему выход. Мы скажем ему: «Вот твой убийца. Вот твой путь. Иди». И он уйдёт. Потому что его задача будет выполнена. Он отомстил.

Сергей долго молчал, переваривая. Он смотрел на карту. На тоннель. На дом Савельевых. Это было... логично. Это было не «ахалай-махалай». Это была инженерия.

— Но, — добавила она, — нам понадобится земля из тоннеля. Проклятая земля, та, где пролилась его кровь.

— И... — Сергей уже догадывался, что она скажет.

— Тебе нужно будет спуститься в тоннель и принести в дом Савельевых эту землю.

— Понял, — наконец сказал он.

Лина молча кивнула. Она подошла к столу и начала методично складывать распечатки в рюкзак. Движения были чёткими, выверенными.

Сергей смотрел на неё. У них был план. Он снова натянул куртку.

— Значит, разделяемся. Ты к Савельевым, я за землёй.

Он уже подходил к дверям, но притормозил.

— Карамелька, не пугай их. Они хорошие люди.

— Да как ты мог такое подумать обо мне?

Она изобразила комичное оскорбление на лице. Сергей хмыкнул и вышел за дверь.

Глава 6

Не комната, а хаос. Лина мельком пробежала глазами по своей комнате. Здесь есть всё. Осталось только найти. Так, что у нас здесь... трава. А тут... железяки. А в этой куче... хм, одежда. Лина расположилась прямо на полу. Вокруг неё, на старом ковре, была разложена её рабочая «операционная». Это был не алтарь, а скорее верстак хирурга.

Она сидела перед раскрытой жестяной коробкой из-под чая, методично перебирая содержимое. Полынь. Горькая, терпкая, прошлогодняя. Лина поморщилась — пересушена, будет сильно дымить, придётся проветривать. Рядом — зверобой. С этим проще. Она достала из ящика стола холщовый мешочек, начала перекладывать туда пучки, бормоча себе под нос, словно сверяясь с невидимым списком: — Полынь... отсечение. Зверобой... защита.

Она поднялась, подошла к подоконнику. Среди горшков с кактусами лежал моток старой медной проволоки, которую она стащила у отца из гаража, и тяжёлый, кованый гвоздь — дореволюционный, с квадратным сечением, который она выкорчевала из плинтуса в заброшенном доме. Лина взвесила гвоздь на ладони. Холодный. То, что нужно. Бросила всё в рюкзак.

Ноутбук на столе тихо загудел кулерами. Загрузился рабочий стол — чёрный фон, зелёный терминал. Сайт «Практи-

кующая ведьма» мигнул уведомлением. Десяток сообщений в чате «Урбан-некро». Она смахнула их, не читая. «Как всегда! Когда намечается настоящее дело, откуда ни возьмись набегают эти озабоченные клиенты».

Она закрыла ноутбук, напоследок проверила рюкзак и щёлкнула застёжкой.

Фонарь он не включал. Знал, что свет в таких местах только привлекает лишнее. Он спускался по бетонным ступеням старой ливнёвки. Вниз. Под фабрику.

Вода здесь стояла выше щиколотки. Она была ледяной и пахла не канализацией, а прелой листвой и чем-то металлическим, как кровь. Тяжёлый воздух давил на перепонки. Тоннель сужался. Старый кирпич сменился монолитным бетоном. Сергей включил фонарь, но только на секунду — чтобы проверить свод. Тяжёлый, глухой. Ни одной трещины. Хорошая работа. Советская.

Он уходил всё дальше от входа, туда, где карта показывала изгиб русла. Туда, где река была ближе всего.

Вибрация стала сильнее. Это гудела сама земля.

Сергей остановился. Присел. Земля здесь была другой. Чёрной, жирной, похожей на мокрый пепел. Он достал из рюкзака плотный зип-пакет.

Начал копать.

Земля подавалась тяжело. Она была спрессована, сцементирована временем. Разрыхлив поверхность, зачерпнул ла-

донью, и его пальцы наткнулись на что-то твёрдое.

Сергей замер. Он вытащил руку. Страхнул грязь. И тут накатило.

Подвал. Ему лет десять. Вовка рядом. Они прячут «секретик».

— Сюда, — шепчет Вовка. — Под трубу.

Сергей разрывает землю и замирает.

— Здесь что-то есть, — говорит он Вовке. Достает развалившийся пакет. — Ерунда какая-то. Бумага... Письма!

— Давай почитаем. Вовке не терпится посмотреть находку. А Сергею эта затея не по нраву.

— Бабушка говорит, что читать чужие письма нельзя. Сергей укладывает пакет на место и засыпает находку землёй. Смотрит в угол подвала. Там темнее, чем везде. Там что-то есть.

— Смотри, — шепчет Сергей, указывая в угол.

— ...Дядь Серёж?

Голос Лины в наушнике заставил его дёрнуться. Фонарь в руке дрогнул, луч ударил в стену, выхватив из темноты слизь на кирпичках. Сергей тяжело дышал. Сердце колотилось где-то в горле. Земля. Он держал в руке пакет с землёй.

— Я в порядке, — прохрипел он. — Уже иду.

Глава 7

Как всем известно, летом ночь не торопится. И в поздний час светло, как днём. Сиреневый воздух наполнен тишиной и меланхолией. Но в этот вечер природа, словно вспомнив о своих капризах, решила пошалить. Небо набухло от наползающих туч. Воздух стал плотным и вязким.

На кухне собрались трое: Сергей, Лина и Татьяна. Все молчали, настраивая себя на предстоящее испытание. Первой заговорила Лина. Нервно покусывая ноготь, она обратилась к Тане:

— Призрака я беру на себя. Ваша задача — спрятаться. Неважно где, хоть в чулане, хоть в подвале. Главное — не отвлекать призрака. Он придёт за своим. И лишние вибрации ему будут помехой. Неизвестно, как он отреагирует.

Она прошла через кухню и взглянула на дверь спальни, где сейчас находился Славик, приглядывающий за отцом.

Лина остановилась перед Сергеем:

— Это касается тебя. Ни в коем случае не вмешивайся. Не мне тебе рассказывать, как это опасно. Слышишь меня, дядь Серёж?

Сергею лишь оставалось мрачно кивнуть. Здесь и сейчас Лина за главного.

— Славика я потом отошлю. Он мне здесь ещё понадобится.

Заметив, как заволновалась Татьяна, девушка поспешила её успокоить:

— Это ненадолго. Он к вам присоединится вскоре. Всем всё понятно?

Славик ждал в коридоре и смотрел на закрытую дверь спальни, откуда доносился приглушённый вой — не человеческий, животный.

Лина принялась за работу. Она двигалась быстро, но без суеты. Как хирург перед операцией. Стукнула дверца старого навесного шкафчика. Звякнуло стекло.

Она вытащила из рюкзака старый походный набор: спиртовку, жестяную банку из-под консервов и моток медной проволоки.

— Сиди смирно, — прошептала она Александру Васильевичу, который раскачивался на стуле, обхватив голову руками.

Мужчина не отреагировал. Он что-то мычал себе под нос, раскачиваясь в такт невидимому ритму.

Лина не стала тратить время на уговоры. Она просто подошла, резко схватила его за запястье.

Александр Васильевич вскинул голову. В глазах плеснулся животный ужас. Он попытался вырваться, но хватка девушки была железной.

— Помогай, — не оборачиваясь, бросила она Славику.

Парень шагнул вперёд, неуклюже навалился на отца всем телом, прижал его плечи к спинке стула. Мужчина захрипел,

но сопротивляться перестал.

Лиана взяла медицинский ланцет.

— Кровь — это ключ, — сказала она, ни к кому не обращаясь. — Для привязки.

Она не смотрела в глаза. Она смотрела на ладонь. Быстрый, отработанный укол. Александр дёрнулся, но Славик держал крепко.

Лиана выдавила несколько тёмных капель в жестяную банку. Затем достала пакет с чёрной землёй, которую принёс Сергей. Высыпала горсть туда же. Перемешала ножом.

Смесь зашипела, словно была живой.

— Подобное притягивает подобное, — сказала она, утрамбовывая влажную землю в маленькую металлическую коробочку.

Славик смотрел на это, широко раскрыв глаза, ничего не понимая.

— А теперь уходи, — Лиана поднялась, вытирая руки о джинсы. — Я остаюсь с ним.

Она подтолкнула Славика к выходу.

— Иди к матери. Жди.

Дверь за ним захлопнулась.

Лиана осталась одна.

Она не стала закрывать окна. Наоборот — распахнула их настежь, впуская ледяной осенний ветер.

Она двигалась по квартире, как паук, плетущий паутину. Соль. Густая дорожка из крупной соли легла на пол, очерчи-

вая идеальный круг в центре гостиной. Железо. Она втыкала гвозди в щели паркета по периметру — остриём наружу. Огонь. На кухне вспыхнула спиртовка. В старой консервной банке плавился свинец.

Дым полыни, который она подожгла прямо на полу, едким облаком пополз по потолку.

Отец Славика сидел на стуле, продолжая раскачиваться. Его глаза были мутными, но он больше не выл. Он смотрел на Лину, и в этом взгляде не было разума — только первобытный, животный ужас.

Лина закончила плавить свинец. Вылила его в форму — получился уродливый, бесформенный слиток.

Она вошла в центр соляного круга.

Достала коробочку с землёй и кровью. Открыла.

— Вот твой убийца, — прошептала она, обращаясь не к отцу, а к пространству вокруг. — Вот твоя земля.

Она поставила коробочку на пол.

Ветер из окна ударил сильнее. Занавески взметнулись.

Лампочка в люстре мигнула. Раз. Другой.

Отец Славика перестал раскачиваться. Он медленно повернул голову. Посмотрел на коробочку.

Его губы дрогнули. Он издал звук, похожий на скрежет рвущегося металла.

Из углов комнаты поползла тьма. Её отвратительные щупальца стали шарить по спальне.

Наконец Тьма потянулась к коробочке.

Лина не двинулась с места. Она подняла руки. В правой — слиток свинца, в левой — пучок сухой полыни.

— Ты ищешь того, кто тебя убил, — её голос звучал ровно, перекрывая завывание ветра. — Ты ищешь кровь. Она здесь.

Тьма коснулась коробочки.

Свинец в её руке стал невыносимо горячим. Она бросила его в центр круга. Металл зашипел, соприкоснувшись с солью.

— Иди, — сказала Лина.

Она провела рукой в воздухе, словно перечёркивая комнату невидимым символом.

Дверь в спальню с грохотом распахнулась.

Призрак — это была просто сгустившаяся чернота, вихрь мусора и пыли — метнулся к слитку.

Он вошёл в круг.

Соляная дорожка вспыхнула белым светом.

А потом всё кончилось.

Тишина.

Только вой ветра и шорох ветвей за окном.

Лина медленно выдохнула. Опустила руки. В ушах звенело.

Она перешагнула через соль, подошла к отцу Славика. Тот сидел на полу, пустыми глазами глядя в стену. Он был жив. Просто пуст.

Лина подняла с пола коробочку. Внутри, вперемешку с

грязью, лежал старый, ржавый гвоздь.

Она убрала её в карман.

Глава 8

Лина нашла остальных на чердаке. Татьяна плакала. Тихо, беззвучно, уронив голову на руки.

Славик спал на диване, свернувшись калачиком. Выглядел он так, будто из него вынули позвоночник.

Сергей сидел за столом, пил остывший чай и смотрел в окно.

Когда она вошла, все обернулись. Лина выглядела уставшей, но спокойной. Сняла с шеи какой-то амулет на шнурке, бросила его в мусорное ведро.

— Ушёл, — сказала она, просто констатируя факт. — Со всем.

Татьяна прижала ладони к вспыхнувшему новой надеждой лицу. Посмотрела на Сергея.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не за что, — Сергей даже не повернулся. — И... послушайте. Не спрашивайте. Ни о чём. Не копайте. Просто живите.

Он встал, взял со стула куртку.

— Мы пойдём.

Три дня спустя. Квартира Сергея и Лины.
Тишина.

Тиканье часов на стене. Тик-так.

Лина лежала на диване, закинув ноги на подлокотник и разглядывала потолок.

Сергей сидел за столом, спиной к ней и глядел в окно.

— Дядь Серёж, — протянула Лина, не меняя позы. — А ты ведь это сам придумал? Ну, НДСП.

Сергей не обернулся.

— Что именно? Название?

— Да. Мне показалось забавным. Неопровержимые Доказательства Существования Потустороннего, — нараспев продекламировала Лина. — Мне нравится. Звучит как название похоронного бюро.

— Я рад, что тебе угодил.

Он сидел неподвижно, устремив взгляд к горизонту.

Тик-так. Тик-так.

«Вот кому хорошо. Мне бы их хладнокровие. Молчаливый подсчёт».

Сергей вздохнул.

— Дядь Серёж, — голос Лины стал серьезнее. — К нам Славик просится.

— В смысле «просится»?

Сергей резко развернулся и хмуро поглядел на племянницу.

— Ну... хочет в нашу команду.

— Вот ещё, — буркнул он. — Не хватало мне тут ещё за школьниками присматривать. Мне одной выше крыши хватает.

Лина закипела:

— Ты кого это школьницей назвал? Будь моя воля, я вообще бы там не появлялась.

— Но-но-но, — погрозил пальцем Сергей. — Тебе ещё год учиться.

Снова тишина.

Тик-так. Тик-так.

— Дядя Серёж, — Лина не желала отставать. — Почему это происходит?

Сергей долго молчал. Смотрел на огни вечернего города. Потом перевёл взгляд на тумбочку.

— Я не знаю, — наконец произнёс он.

Он лукавил. Кое-что он всё же знал.